

Инна Теплова – поэт, член Союза российских писателей. Родилась в 1987 году. Окончила Калужский филиал Академии бюджета и казначейства. Публиковалась в Литературной газете, в журналах «Формаслов», «Белая скала» (Крым), «Новый Орёл + XXI век» (Орёл), «Гостинный Дворъ» (Оренбург), в многочисленных сборниках и альманахах. Лауреат областной литературной премии имени Марины Цветаевой в 2021 году. Финалистка Всероссийского фестиваля молодой поэзии им. Л. А. Филатова «Филатов Фест» в 2022 году. Автор сборников стихотворений «Неслучайно», «Звучу» и «Послеюность». Живёт в Калуге.

Инна Теплова
г. Калуга

Гуманность

Начнут фотографировать – смотрю
куда угодно, но не в объектив.
Я специально направляю взгляд
на жирные обойные узоры,
на тощую собаку за окном,
куда угодно, в сторону любую,
но только на фотографа – ни-ни.

Вот снимок твой... Ещё мне не знаком
на нём отображённый человек –
знакомый незнакомый человек.
Ты начат и как будто недосоздан,
глядишь прицельно в самый объектив.
Мгновение, и накрепко затянут
силковый узел взгляда твоего.

В такой ловушке дышишь через раз,
того не пожелаю никому,
поэтому, когда затвор открыт,
смотрю на улетающую птичку.

Быть зеркалом

Давай начистоту. Передо мной
Не личность даже, плоская картинка.
Живого человека четвертинка,
Цветастый фантик, зритель подсадной.

Ты даже говоришь декоративно,
Твою каллиграфическую речь
Легко представить письмами и сжечь,
И от того всё более противно
Быть зеркалом и образ твой беречь.

Клянусь, однажды выскользну из рук,
Не упустив свой шанс переродиться.
В осколках отразятся небо, птицы,
Летающие, взаправдашние птицы,
И, наконец, твой искренний испуг.

Сегодня запах преющей листвы
кружит по улицам,
и некогда любимый вид Невы
карикатурится.

Когда мне можно будет уходить
из дома вечером,
под утро возвращаться и скулить,
грехом помеченной?

Не тороплюсь, но даже у кастрюль
тускнеет олово.

Вчера была надежда, был июль,
и было здорово.

Конфета со сгущённым молоком
подтаёт, скорчится.

Скажи, дружище гугл-точка-ком,
когда всё кончится?

Vindula Erota

До света жадны окна кабинета,
Они ещё припоминают лето,
Но стол листвой завален документной,
Желты коллеги после отпусков,
Молочна белизна воротничков,
Обед всё ближе, а тепло всё дальше,
И за версту услышишь секретарши
Высокомерный цокот каблуков.

В окне умытом липа золотая
Листками машет и почти взлетает.
На каждой ветке – бабочкина стая,
Но ветви остаются при своём.
Сентябрь шелестит календарём,
И я как липовая *Vindula erota**,
Трепещущая, ждущая полёта,
Пронзённая игольным остриём.

* *Vindula erota* – бабочка из семейства нимфа-
лид, напоминающая внешним видом пожелтев-
шие листья липы

Послеюность

Хоть бейся головой о стену, хоть кричи –
Сломалось ощущение полёта.
Как будто я, от грязной бутсы отскочив,
Безжалобно лечу в свои ворота.

Лечу и чую страх, и знаю ветра вой,
А время приземления не знаю.
Как пуля-дура, что летит с передовой,
Но не врага, а зрелость догоняет.

И траектория разительно проста –
Отрезок, пронизающий безлунность.
Я на земле. Земля мягка. Трава густа.
Так вот как попадают в послеюность.

Слышать

Сначала они говорили: «Ты слишком юна.
Тебе бы попроще темы.
Тебе бы поплоще взгляды».

Позже они возмущались: «Какого рожна
Ты больше стихов не пишешь?
Мы – пишем. Смотри, как надо».

Потом приходили мужчины, просили писать
О том, как они мне любы,
О том, как они прекрасны.

Одаривали синяками, смотрели в глаза,
Но строчки ложились грубо,
Труд выходил напрасным.

Психолог вещал: «Сублимируй,
твори, вымещай».

И я проклинала осень,
И были стихи гневливы.

Мама просила писать о приятных вещах,
И май у меня цветоносил,
И мёд источали сливы.

Теперь появляешься ты и так громко молчишь,
Что я затыкаю уши,
Что глохнут на кухне мыши.

Учит меня полнозвучная, внятная тишь,
Как жить, не стараясь слушать,
Писать, ухитряясь слышать.

Метаморфозы

Оранжереино-душная, безвременно моя.
Семь метров, изумительно квадратных.
И даже прозябать, по правде говоря,
Мне в этой комнате особенно приятно.

Здесь я останусь, здесь вращу в паркет.
Зазеленеют пальцы и ключицы,
И станут поглощать животворящий свет,
И он мне наконец-то пригодится.

Я не боюсь таких метаморфоз:
Не пить, но пить и наполняться влагой
В компании лилейников и роз –
Великое сомнительное благо.

Качели

Она не за то обожала качели,
что делали небо синее и ближе,
Кричала она: «Ненавижу!»
На самом пределе.

Она потому так любила качели,
что ввысь уносили до дрожи в коленках,
за холод внизу живота, еле-еле
вмещавшийся. Также за сотни оттенков,
которыми плавилась ленточки радуг.
За чувственный жар, за хмельное блаженство,
за близость важнейших на свете разгадок,
за радость прощения несовершенства
земного, обычного, ставшего топью,
болотной трясиной, зыбучей неволей.
Качели – лекарство от всех меланхолий,
от спрятанной где-то под рёбрами боли.

Она потому так любила качели,
что позже, внизу, становилось всё новым.
Туз пик в рукаве обращался червовым,
и клёны по-новому так багровели.

Она не за то обожала качели,
что делали небо синее и ближе.
Ей после качелей своё «Ненавижу!»
кричать не хотелось четыре недели.